

Морские цыгане

Автор:

[Густав Эмар](#)

Морские цыгане

Густав Эмар

Морской авантюрный роман

1658 год, Антильские острова. Испанцы нанесли сокрушительный удар по могуществу флибустьеров, захватив главное пристанище морских разбойников – остров Тортугу. Но Береговое братство готово взять кровавый реванш. В предстоящей схватке пираты делают ставку на одного из молодых предводителей морских цыган.

Гюстав Эмар

Морские цыгане

Флибустьеры – французские и английские авантюристы, ставшие корсарами... Это были хищные птицы, слетавшиеся со всех сторон... Даже грозные римляне не совершали подвигов столь блистательных. Будь их политические и дипломатические таланты под стать проявляемому ими несокрушимо мужеству, они создали бы в Америке великое государство.

ВОЛЬТЕР

Глава I. «Лосось»

Семнадцатого октября 1658 года в восьмом часу вечера два человека сидели в большой зале «Лосося», самой большой гостинице города Пор-де-Пе, являвшейся обычным местом сборищ авантюристов всех наций, которых жажда к золоту и ненависть к испанцам привлекали на Антильские острова.

В этот день над городом стояла страшная жара; большие желтоватые облака, насыщенные электричеством, расстилались от одного конца горизонта до другого, и ни малейшее дуновение ветра, даже на закате солнца, не освежало землю, замиравшую от зноя. Со стороны гор доносился глухой шум, и эхо повторяло раскаты отдаленного грома. Море, черное, как чернила, волнуемое каким-нибудь подземным потрясением, приподнималось бурными волнами и со зловещим стоном тяжело разбивалось о скалы. Словом, все предвещало приближение урагана. Жители Пор-де-Пе, по большей части грубые моряки, давно привыкшие бороться с самыми страшными опасностями, невольно подчиняясь всеобщему беспокойству природы, заперлись в своих домах. Улицы были пусты и безмолвны, город казался брошен, и гостиница «Лосось», которая обычно в это позднее время была заполнена посетителями, укрывала под закопченным потолком своей просторной залы только двух человек, о которых пойдет речь и которые, опираясь локтями о стол, опустив голову на руки и покуривая трубки, рассеянно следили за фантастическими клубами дыма, беспрестанно вырывавшимися у них изо рта и сгущавшимися вокруг синеватым облаком.

Оловянные стаканы, бутылки, карты, кости, разбросанные по столу, доказывали, что два этих человека давно уже находились в гостинице и что, испробовав все развлечения, они бросили их – от утомления или от того, что более серьезные мысли занимали их и мешали наслаждаться, как они, может быть, желали бы, удовольствиями, которые сулили им игра и вино.

Один из них был старик лет шестидесяти, еще бодрый, гордо державший на плечах красивую голову, которой длинные белые волосы, брови, еще черные, усы, густые и седые, и небольшая бородка придавали очень благородный вид. Его простой, но изящный костюм был абсолютно черным; шпага со стальным эфесом была небрежно брошена на стол возле шляпы и плаща.

Второй был гораздо моложе своего товарища. На вид ему казалось от сорока пяти до сорока восьми лет, не больше. Это был человек атлетического сложения, плотный и плечистый; черты его лица, довольно обыкновенного, были бы незначительны, если бы не выражение редкой решимости и неукротимой воли, которое придавало ему совершенно особый отпечаток. На нем был костюм богатых буканьеров, роскошный до сумасбродства, сверкавший золотом и брильянтами; тяжелая и массивная фанфаронка окружала его шляпу, украшенную страусовыми перьями, прикрепленными брильянтовым аграфом[1 - Аграф – нарядная застежка.], составлявшим целое состояние; длинная рапира, висевшая сбоку на широкой портупее, для большего удобства, без сомнения, стояла в эту минуту зажата между его коленями; два пистолета и кинжал были заткнуты за пояс, широкий красный плащ висел на спинке стула.

Давно уже угрюмое молчание царило между этими людьми; они продолжали курить и окутывать залу клубами дыма, по-видимому не думая друг о друге.

Трактирщик, худощавый, сухой и долговязый, в грязной и оборванной одежде, с лицом висельника, несколько раз под предлогом поправить светильню в лампе, – что было вовсе не нужно, – вертелся около этих странных гостей, не привлекая их внимания, и уходил, пожимая плечами с презрительным видом к таким неприбыльным посетителям.

Наконец младший вдруг поднял голову, с гневом разбил трубку об пол и, ударив кулаком по столу, так что стаканы и бутылки запрыгали и забренчали, вскричал грубым голосом:

– Ей-богу, этот франт насмехается над нами! Неужели мы должны оставаться здесь вечно? Клянусь своей душой! Есть от чего взбеситься, прождав так долго!

Старик медленно приподнял голову и, устремив спокойный взгляд на своего товарища, сказал тихим голосом:

– Потерпи, Пьер, еще не поздно.

– Потерпи?! Вам легко говорить, господин д'Ожерон, – проворчал тот, кого называли Пьером. – Почему я знаю, куда этот воплощенный черт запропастился!

– А я разве знаю, друг мой? Однако, как видишь, я жду, не жалуясь.

– Гм! Все это прекрасно... – продолжал Пьер. – Вы его дядя, а я его закадычный друг, это другое дело.

– Правда, – ответил, улыбаясь, д'Ожерон, – и в качестве закадычных друзей вы не должны ничего скрывать друг от друга, не правда ли?

– Именно. Вы это знаете так же хорошо, как и я, вы ведь в молодости много воевали с испанцами.

– Эх, и славное было времечко, Пьер, – сказал д'Ожерон, подавляя вздох, – я был тогда счастлив, у меня не было никаких огорчений и забот.

– Ба-а! Вы говорите, что были счастливы тогда? А теперь разве вы не счастливы? Все Береговые братья, флибустьеры, буканьеры и колонисты любят вас и почитают за отца, и я – первый; мы все дадим изрубить себя на кусочки за вас. Его величество – да защитит его Господь! – назначил вас нашим губернатором, чего же более можете вы желать?

– Ничего, ты прав, Пьер, – ответил старик, печально качая головой, – мне действительно больше нечего желать.

На несколько минут воцарилось молчание. Затем буканьер продолжал:

– Вы позволите задать вам вопрос, господин д'Ожерон? – спросил он с некоторой нерешимостью в голосе.

– Конечно, друг мой, – ответил старик. – Посмотрим, что за вопрос.

– О! Может быть, я напрасно спрашиваю вас об этом, – заметил Пьер, – но, право, не могу удержаться, признаюсь вам.

– Хорошо! Спрашивай, чего ты боишься?

– Прогневать вас, господин д'Ожерон... Вы знаете, что я не слышу робким.

– Я думаю, ты, Пьер Легран, – один из наших самых отважных флибустьеров. Одно твое имя заставляет дрожать испанцев.

Пьер Легран выпрямился с очевидным удовольствием при этом заслуженном комплименте.

– Ну, – сказал он тоном человека, принявшего окончательное решение, – вот о чем идет речь. Когда мой работник Питриан отдал мне ваше письмо, естественно, моим первым движением было повиноваться вам и спешить на свидание, которое вы мне назначили в «Лососе».

– Благодарю тебя за поспешность, которую ты проявил в этом случае, друг мой.

– Хорош бы я был, если бы не пришел! Это было бы даже смешно, право! И так, я пришел; мы играли, пили – очень хорошо, ничего не может быть лучше, только я спрашиваю себя, какая серьезная причина заставила вас уехать с острова Сент-Кристофер инкогнито в Пор-де-Пе?

– Ты желаешь знать эту причину, Пьер?

– Да, если это не неприятно вам, разумеется, а то считайте, что я ни о чем не спросил, и не будем больше об этом говорить.

– Напротив, будем говорить, друг мой, мне хотелось открыть тебе эту причину при моем племяннике, твоим закадычным другом, но так как он не приходит, ты все узнаешь сейчас.

– Мы можем еще подождать, господин д'Ожерон, теперь он, вероятно, не замедлит явиться.

– Может быть, но это не имеет значения... Кроме того, он уже почти знает мои планы; слушай же ты меня.

– Ах, хитрец! Он ничего мне не сказал.

– Я ему запретил.

- Тогда другое дело, он правильно поступил, что молчал.

- Слушай меня внимательно, дело стоит того. Ты помнишь, не правда ли, как кавалер де Фонтенэ, неожиданно атакованный испанской эскадрой, был вынужден после геройского сопротивления оставить Тортугу?

- Конечно, помню, господин д'Ожерон, и прискорбно было видеть, как развевался испанский флаг над Скальным фортом и как эти проклятые испанцы дразнили нас и смеялись нам в лицо! Ей-богу! Чего бы я только ни дал, чтобы сыграть хорошую шутку с этими проклятыми донами и прогнать их с нашего острова!

Д'Ожерон, улыбаясь, слушал буканьера. Когда тот замолчал, он наклонился вперед, положил руку ему на плечо и, пристально посмотрев ему в лицо, сказал тихим и сдержанным голосом:

- Ну, Пьер, друг мой, я тоже хочу сыграть хорошую шутку с испанцами и прогнать их с нашего острова.

- Как?! - вскричал Пьер, вздрогнув от неожиданности. - Правду ли вы говорите? Это действительно ваше намерение?

- Клянусь честью, Пьер, именно поэтому я и оставил Сент-Кристофер и инкогнито приехал в Пор-де-Пе; здесь нет недостатка в испанских шпионах, им не нужно знать, что я так близко от Тортуги.

- Ага! Отлично! Если так, мы посмеемся.

- Я надеюсь на это.

- Мы на них нападем?

- Мы дадим испанцам сдачи, они напали на нас врасплох, мы нападем на них.

- Прекрасно! - вскричал Пьер, радостно потирая руки.

- Я рассчитываю на тебя, Пьер.

- И правильно делаете, господин д'Ожерон.

- Кто из наших капитанов есть здесь сейчас?

- Гм! - сказал Пьер, потирая лоб. - У нас довольно мало людей. Однако есть несколько старых Береговых братьев, на которых можно положиться в случае необходимости.

- Черт побери! Это неприятно. А что с Губителем?

- Монбар уехал полгода тому назад, и с тех пор о нем не было известий.

- Черт побери! Черт побери! - пробормотал старик с задумчивым видом.

- Это так. Морган, Красавец Лоран, Красивая Голова, Рок Бразилец, Олонэ, Тихий Ветерок - все уехали, а куда - этого никто не знает.

- О-о! Это совсем неприятно! Кто же у нас остался?

- Во-первых, я.

- Это правда, но еще?

- Еще, кроме четырех или пяти надежных людей, я никого назвать не могу.

- Кто же эти четверо или пятеро?

- Мигель Баск, Дрейк, Польшэ, ваш племянник Филипп.

- Кто еще?

- Да, вроде бы, и все.

- Гм! Маловато - дело предстоит жаркое, испанцев голыми руками не возьмешь.

– Надеюсь, но имена, названные мной, известны вам давно, все это люди решительные.

– Знаю, мой друг, но если затея нам не удастся, это будет для нас непоправимым уроном. Лучше, может быть, воздержаться.

– Я не согласен с этим, господин д'Ожерон, каждый из нас может набрать несколько решительных авантюристов.

– Это правда, но Тортуга почти неприступна, особенно если ее станут хорошо защищать, а так и будет.

– Уж можете не беспокоиться. Дон Фернандо д'Авила, командующий испанским гарнизоном, даст скорее убить себя и всех своих солдат, чем сдастся.

– Ты видишь, что было бы безумством пытаться выгнать его с такими ограниченными силами, какими располагаем мы.

– Ба-а! Когда же мы считали наших врагов? Береговые братья все такие же, какими были в ваше время, господин д'Ожерон, поверьте, каждый из них стоит десяти испанцев...

– Ах, почему не приходит Филипп! Может быть, он дал бы нам хороший совет.

– Филипп сказал бы вам то же, что говорю и я, господин д'Ожерон.

– Очень может быть, друг мой, но дело серьезное и требует глубоких размышлений.

– Размышляйте, но не отказывайтесь от этой затеи. Клянусь вам, теперь, когда я знаю ваши планы, у меня просто слюнки текут, и если вы нас оставите, ей-богу, я возьму остров без вас, это так же верно, как и то, что меня зовут Пьер Легран и что я ненавижу испанцев! Не знаю, что именно я сделаю, но это все равно. Я уверен, что обязательно добьюсь успеха.

Д'Ожерон расхохотался над этими словами флибустьера.

- Успокойся, горячая голова, - сказал он, - я не говорил, что отказываюсь.

- Ну и прекрасно!

В эту минуту в залу вошел человек; на одно мгновение он остановился на пороге двери, бросил вокруг подозрительный взгляд, потом, узнав, без сомнения, двух человек, которые одни находились в гостинице, снял плащ и решительным шагом направился к ним.

- А-а! - вскричал Пьер. - А вот, наконец, и Филипп! Здравствуй, друг, - прибавил он, протягивая ему руку.

- Здравствуй, Пьер, - ответил вновь пришедший, - я здесь, чего ты хочешь от меня? Ей-богу, дело должно быть стоящее, а не то, предупреждаю тебя, я рассержусь, что ты заставил меня прийти сюда, когда я надеялся провести время гораздо приятнее.

Пьер расхохотался.

- Смотри, - сказал он, указывая на д'Ожерона, который, увидев своего племянника, отодвинулся немного в тень.

Филипп обернулся к нему.

- Э-э! - весело вскричал он. - Я не ошибаюсь, добрый дядюшка, неужели это вы?

- Кто же еще это может быть? - спросил Пьер насмешливым тоном.

- Ты рад видеть меня, племянник? - спросил старик.

- Неужели вы сомневаетесь, дядюшка? - вскричал Филипп, бросившись в объятия, раскрытые ему д'Ожероном.

- Нет, не сомневаюсь, - ответил тот с волнением, - я знаю, что ты меня любишь.

– Благодарю, дядюшка. Какой добрый ветер занес вас в наши края? Вы приехали у нас поселиться? Это был бы приятный сюрприз для меня.

– Может быть, племянник. Не стану говорить ни да, ни нет, это будет зависеть от некоторых условий.

– Посмотрим, что это за условия, дядюшка; предупреждаю вас, что я приму их с закрытыми глазами.

– Хорошо, но ты слишком спешишь.

– Почему же? Разве я не должен желать, чтобы вы жили со мной?

Говоря это, он взял стул и сел между дядей и приятелем.

Филипп был красивый молодой человек лет двадцати шести, с гибким и стройным станом; его несколько худощавое тело, казалось, было одарено необычайной силой и редкой ловкостью. Лицо его было изумительно красиво; оно показалось бы даже женственным, если бы не яркий блеск его черных глаз, вспыхивавший при малейшем волнении, и выражение неукротимой решимости, которое оно тогда принимало. Несмотря на более чем простой костюм, во всей его наружности было врожденное изящество, обнаруживавшееся без его ведома и указывавшее на аристократическое происхождение молодого человека.

Дядя с удовольствием его рассматривал и, по-видимому, не мог на него насмотреться. Молодой человек улыбнулся и, поцеловав старика, сказал:

– Почему вы не предупредили меня о вашем приезде, дядюшка? Я был бы так рад узнать, когда вы приедете. Нехорошо удивлять меня таким образом.

– Ты сожалеешь об этом, племянник?

– Напротив, только я бы предпочел, чтобы было иначе.

– Это было невозможно, Филипп, мое присутствие здесь должно оставаться неизвестным для всех, я приехал инкогнито.

- А! Это совершенно меняет дело!.. У вас, конечно, есть какой-то план?

- Да, - перебил Пьер, - и даже большой план.

- Скажите, пожалуйста! Тебе, кажется, это известно?

- Еще бы!

- Хорошо, стало быть, дядюшка и мне скажет.

- Именно это я и собираюсь сделать, тем более что хочу знать твое мнение.

- Что бы это ни было, я с вами согласен, дядюшка.

- Ты же еще не знаешь, о чем идет речь, какой ты сумасшедший, право! - ответил старик, улыбаясь.

- Это ничего не значит, дядюшка, для меня очевидно, что вы не можете ошибаться. Теперь говорите, я вас слушаю.

- Вот в двух словах причина моего приезда: я хочу с помощью моих бывших товарищей взять Черепаший остров и прогнать оттуда испанцев.

- А! - сказал Филипп задыхающимся голосом и вдруг побледнел как смерть.

Глава II. Капелла Богоматери

В шестнадцати милях от Пор-де-Пе, среди великолепной равнины, через которую протекает широкий ручей и которая укрыта от морских ветров высокими горами, поросшими лесом, возвышается очаровательный испанский городок, носящий название Сан-Хуан, в котором проживало тогда от четырех до пяти тысяч жителей. Из-за своего положения, которое сделало его объектом нападений авантюристов, он был окружен рвами и земляными стенами, представлявшими достаточное укрепление для того, чтобы сопротивляться атаке его смелых

соседей.

Почти посреди главной улицы этого города находился дом из красного кирпича, крыльцо которого, поддерживаемое двумя колоннами художественной работы, вело на широкий двор, в центре которого находился колодец. Крыльцо с двойной лестницей вело в главный корпус здания, с правой и левой стороны которого стояли башенки, украшенные затейливой резьбой.

В тот день, когда начинается наша история, к восьми часам утра величайшее оживление царило в этом доме, бывшем тогда гостиницей, которой теперь, без сомнения, не существует. Суетившиеся слуги входили и выходили, одни путешественники приезжали, другие уезжали, пеоны[2 - Пеон - слуга, наемный рабочий.] седлали лошадей или водили их к водопою, крики и ругательства смешивались в воздухе с живым разговором, свойственным южным народам.

В самую оживленную минуту на двор въехал всадник, закутанный в широкий плащ. Один из пеонов, без сомнения поджидавший его приезда, быстро приблизился к нему, схватил поводья его лошади и, когда всадник слез с лошади, сказал ему на ухо вполголоса:

- В церкви Мерсед.

- Благодарю, - ответил всадник так же тихо и, вложив золотую монету в руку пеона, повернулся, не занимаясь своей лошадью, прикрыл складками плаща лицо, вышел со двора и направился большими шагами к церкви, находившейся на этой же улице, только несколько повыше.

Как и все церковные испанские строения, церковь Мерсед в городе Сан-Хуане смотрелась настоящей игрушкой и снаружи, и внутри. Если не считать двух женщин, закутанных в мантильи, стоявших на коленях и, по-видимому, набожно молившихся, церковь была пуста. При звуке шагов вошедшего, шпоры которого зазвенели о плиты, они обернулись. Незнакомец устремил на них пронизательный взгляд, потом дошел до исповедальни, находившейся в углу боковой капеллы, остановился, сбросил свой плащ, скрестил руки на груди и застыл в ожидании. Обе женщины, шепотом обменявшись несколькими словами, встали; одна направилась к двери, другая с робким и боязливым видом пошла прямо к исповедальне, возле которой стоял молодой человек. В нескольких шагах от него она приподняла свою мантилью и открыла восхитительное личико

шестнадцатилетней девушки, о каком только мог мечтать поэт. Молодой человек почтительно ей поклонился и прошептал голосом, прерывавшимся от волнения:

- Да благословит вас Бог, Хуана, за то, что вы согласились на это крайне важное свидание!

- Может быть, я поступила нехорошо, - отвечала она тоном невыразимо грустным, - но я не хотела уезжать, не простившись с вами еще раз.

- Увы! - прошептал он. - Разве ваш отъезд так близок?

- Сегодня вечером - завтра, уж никак не позже, фрегат, на котором мы поплывем, должен отчалить, скоро мы расстанемся навсегда. Вы забудете меня, Филипп...

- Забыть вас, Хуана! О, вы так не думаете! - вскричал он горестно.

Молодая девушка печально покачала головой.

- Отсутствие - все равно что смерть, - прошептала она. Молодой человек бросил на нее пристальный взгляд и, схватив руку, которую нежно пожал, спросил дрожащим голосом:

- Стало быть, вы забудете меня, Хуана?

- Я? О, нет! - воскликнула она. - Я умру, верная моей первой, моей единственной любви. Но вы, Филипп, вы молоды, вы хороши собой... вы будете отделены от меня бескрайним морем, вы не увидите со мной больше, и другая женщина изгонит любовь ко мне из вашего сердца, а воспоминание обо мне - из вашей памяти.

Наступило короткое молчание.

- Хуана, - произнес молодой человек, - верите ли вы в мою любовь?

- Да, Филипп, верю, верю всеми силами моей души.

- Если так, то почему же вы сомневаетесь во мне?

- Я не сомневаюсь в вас, Филипп... увы, я боюсь будущего.

- Будущее в руках Бога, Хуана. Он, разлучающий нас сегодня, может, если Ему будет угодно, соединить нас когда-нибудь.

- Никогда не увижу я Эспаньолы, - прошептала она, - я чувствую, что умру в этой дикой и неизвестной стране, где меня заставляют жить в дали от всего, что я люблю.

- Нет, вы не умрете, Хуана, потому что если не можете вернуться вы, бедное дитя, то я, мужчина, я силен, я сумею приехать к вам.

- О!.. - вскричала она с радостью. - Но нет, - прошептала она тотчас, - я не смею верить такому счастью.

Филипп грустно улыбнулся, услышав эти слова.

- Дитя! - сказал он с нежностью.

Девушка бросила на него долгий взгляд из-под полуопущенных ресниц.

- Вы гордый и храбрый дворянин, Филипп, - сказала она, - может быть, многие женщины оспаривают честь союза с вами, между тем как я только бедная девушка...

- Что вы хотите сказать, Хуана? - продолжал он с волнением. - Разве я не люблю вас и не предпочитаю вас всем остальным?

- Да, вы так думаете, Филипп. Вы искренне так говорите, но наступит день...

- Никогда, повторяю вам, Хуана!

Она несколько раз печально покачала головой. Молодой человек с удивлением наблюдал за ней, не понимая этого упорного недоверия.

– Филипп, – сказала она наконец печальным тоном, от которого сердце молодого человека мучительно сжалось, – сегодня, может быть в последний раз, позволено нам видеться, дайте мне все сказать, друг мой, – прибавила она, приложив свою крошечную ручку к его губам, как бы не позволяя ему прерывать ее. – Я не хочу расстаться с вами так, чтобы вы не знали, кто я. Вы знаете только мое имя. Два месяца тому назад девушка, неблагоразумно отважившаяся выехать верхом на большую равнину, подверглась нападению бешеного быка. Свирепое животное, разорвав двух лошадей, ранив и обратив в бегство слуг, опустив голову и со страшным ревом бежало за ней; юная особа вне себя от испуга скакала по равнине, уносимая своей лошастью и чувствуя позади себя необузданный бег быка, приближавшегося к ней с головокружительной быстротой. Вдруг в ту минуту, когда последняя надежда оставила ее, когда она уже вручала Богу свою душу в последней молитве, какой-то человек решительно бросился между ней и быком и выстрелил в обезумевшее животное из ружья; бык рухнул наземь и с ревом бессильной ярости издох у ног своего победителя. Этой девушкой была я, Филипп, ее спасителем – вы. Вы помните это страшное приключение, не правда ли?

– Да, Хуана, помню и благословляю его, потому что ему я обязан счастьем нашего знакомства! – с чувством воскликнул он.

– Теперь слушайте меня, друг мой. Вы, быть может, предполагали, видя меня роскошно одетой и окруженной многочисленной прислугой, что я богата и принадлежу к благородной фамилии?

– Я ничего не предполагал, Хуана, я вас полюбил, вот и все.

Она вздохнула, смахнув слезу.

– Меня зовут Хуана, – продолжала она, – я никогда не знала ни отца, ни матери. Мне сказали, что мой отец был убит на войне до моего рождения, а моя мать умерла, дав мне жизнь. Вот все, что я знаю о своем семействе, даже имя моих родителей никогда не произносилось при мне. Мои первые годы покрыты завесой тайны, которой я никогда не могла приподнять, я не помню ничего; только мне кажется, что я жила в другой стране, я долго оставалась на море и, прежде чем поселилась на Эспаньоле, жила в краю, где небо не так чисто, деревья темнее, а солнце холоднее... но это только предположения, ни на что не опирающиеся. Мне кажется также, что я слышала и сама говорила на другом

языке, не на кастильском, но какой это язык, сказать не могу. Одно знаю точно: мне покровительствует могущественная фамилия, постоянно наблюдающая за мной и никогда не теряющая меня из виду. Дон Фернандо д'Авила не родня мне, мне это известно наверняка. Это выслужившийся солдат, который, по всей вероятности, обязан высоким положением, которого он достиг, и еще более высоким положением, которое ему обещано, только попечению, которым он окружал мое детство. Вот и вся моя история, Филипп, она очень коротка, очень мрачна и очень таинственна; но я обязана из любви, которую испытываю к вам, обязана из уважения к самой себе познакомить вас с ней, и, убежденная, что исполнила священный долг, я без ропота покорюсь вашей воле, какова бы она ни была.

Молодой человек с минуту смотрел на девушку с необъяснимым выражением, в котором смешивались любовь, стыд и горечь.

– Хуана, – сказал он наконец дрожащим голосом, – вы праведное и благородное дитя, ваше сердце чисто, как у ангела! Я недостойн вашей любви, потому что я вас обманул!

– Вы меня обманули, Филипп? Это невозможно! – сказала она с лучезарной улыбкой. – Я вам не верю.

– Благодарю, Хуана! Но, в свою очередь, я хочу вам сказать, кто я.

– О! Я знаю, вы красивый и храбрый дворянин, которого я люблю, что мне за дело до остального!

– Позвольте мне сказать, Хуана; когда вы узнаете все, вы осудите меня или извините. Я дворянин, вы сказали правду, дворянин даже знатного рода, но я беден.

– Что же мне до этого?

– Ничего, я это знаю, но мне остается открыть вам тайну, тайну страшную, которая, когда вы ее узнаете, может быть, навсегда разрушит мое счастье.

– Продолжайте, – сказала она, с недоверием качая головой.

– Я не испанец, Хуана.

– Знаю, – сказала она, улыбаясь, – еще я знаю, что вы француз, что вы один из предводителей страшного общества морских цыган, как называют их испанцы, перед которым дрожит кастильское могущество... Так это-то, Филипп, и есть та страшная тайна, которую вы не решаетесь мне открыть? Полно, друг мой, я давно уже знаю все, касающееся вас, разве это не часть моего существа?

– Итак, вы меня прощаете?

– За что мне вас прощать, Филипп? Я не мужчина, даже не знаю, испанка ли я. Эти ссоры и эта ненависть меня не интересуют, я женщина и люблю вас – вот все, что касается меня.

– О, да благословит вас Бог за эти слова, Хуана, они возвращают мне жизнь.

– Вы сомневались, Филипп?

– Я не смел надеяться, – отвечал он кротко.

– Одни женщины умеют любить, – прошептала она печально. – Ах, мы должны расстаться!

– О! Нет еще, нам незачем торопиться.

– К чему увеличивать нашу горечь, продолжая это жестокое прощание?

– Разве вы не хотите больше увидеться со мной?

– После того, что я вам сказала, разве вы считаете меня достойной вас, когда я не более чем бедная девушка?

В глазах Филиппа сверкнули яркие молнии.

– Пойдемте, – сказал он.

– Куда вы меня ведете?

– Пойдемте, Хуана, я хочу вам ответить у подножия алтаря.

Она пошла за ним, дрожа от надежды и боязни, в боковую капеллу во имя Божией Матери Всех Скорбящих.

– Станьте на колени возле меня, Хуана, и запомните мои слова, примите клятву, которую я произнесу в присутствии Божией Матери.

Девушка встала на колени, ничего не отвечая.

– Я клянусь, – сказал тогда молодой человек твердым голосом, – никогда никого не любить, кроме вас, клянусь приехать к вам, в каком бы месте вы ни находились, клянусь быть возле вас раньше, чем пройдет год. Пусть Святая Дева, которая видит меня и слышит, накажет меня, если я не сдержу клятвы, которая исходит из глубины моего сердца!

– Я клянусь, что буду вас ждать, Филипп, и буду вам верна, что бы ни случилось, – ответила девушка, сложив руки и подняв глаза на святое изображение.

Они встали.

– Вот, Хуана, – продолжал Филипп, сняв перстень с левой руки, – возьмите этот перстень, пусть он будет обручальным, вы одна, отослав мне его, можете вернуть мне свободу.

– Пусть будет как вы желаете, Филипп, я вас люблю и верю вам; я принимаю ваш перстень, возьмите взамен мой, – прибавила она, подавая ему богатый бриллиантовый перстень, – я никогда с ним не расставалась. В детстве я носила его на шее на золотой цепочке; может быть, это последняя вещь на память от моей матери, которую она завещала мне, умирая. Сохраните его, теперь он принадлежит вам, потому что я ваша невеста, ваша супруга перед Богом.

В ту минуту, когда молодые люди обменялись таким образом перстнями, яркий луч солнца блеснул в окне капеллы и залил их блестящим светом.

- Принимаю это предзнаменование, - сказал, улыбаясь, молодой человек, - мы будем счастливы, Хуана. Святая Дева покровительствует нам и благоприятствует нашей любви.
- Да будет она благословенна! - набожно ответила девушка.
- Когда вы уезжаете и куда направляетесь, Хуана?
- Срок нашего отъезда окончательно еще не установлен. Дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту, что его назначат губернатором в Панаму.
- Так далеко! - сказал Филипп, нахмутив брови.
- Ах! Вы видите, что мы разлучены навсегда.
- Не говорите так, моя возлюбленная! Нет ничего невозможного, я поклялся приехать к вам и сдержу свою клятву.
- Да услышит вас Небо!
- Я вспомнил, кажется, дон Фернандо д'Авила - губернатор Черепашьего острова?
- Да.
- Это славный воин и достойный противник, мы уже сталкивались с ним.
- Сегодня или завтра я должна отправиться к нему, с Черепашьего острова мы поедем на материк. Вы видите, Филипп, что мы не должны думать о возможности увидеться, по крайней мере, скоро.
- Это не так, моя возлюбленная, разве я не приехал сюда, к своим врагам? Почему же я не могу пробраться на Тортугу? Поверьте мне, одно не труднее другого.
- Но если вас узнают, вы лишитесь жизни.

- Успокойтесь, моя возлюбленная, опасность не так страшна, как вам кажется.

Девушка печально вздохнула.

- Теперь, - промолвила она через минуту, - пора расставаться, Филипп.

- Уже расставаться, моя обожаемая Хуана! - с мольбой воскликнул молодой человек.

- Это необходимо, Филипп, более продолжительное отсутствие может возбудить подозрения. Кроме того, не должны ли мы увидеться? Теперь я счастлива, надеюсь!

- Повинуюсь вам, Хуана, ухожу, как вы желаете... Еще одно, последнее слово.

- Говорите.

- Что бы ни случилось, что бы ни нарасказывали вам обо мне, вы никогда не должны верить, что я перестал вас любить.

- Я верю вам, Филипп, и буду верить только вам, клянусь.

- Я принимаю вашу клятву, Хуана, она написана в моем сердце, и теперь я ухожу, исполненный веры, моя возлюбленная. Я не прощаюсь с вами, я говорю: до свидания!

- До свидания, Филипп! - ответила она, протянув ему руку.

Молодой человек подержал с минуту эту крошечную ручку в своей руке, нежно поцеловал ее несколько раз, потом, сделав над собой усилие, сказал прерывающимся голосом:

- До свидания, Хуана, до свидания!

Он резко повернулся и твердыми шагами вышел из церкви. Хуана провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез, потом упала на колени перед алтарем

Божией Матери Всех Скорбящих, прошептав голосом, дрожащим от волнения:

- До свидания, мой возлюбленный Филипп!

- Сеньорита, - сказала служанка, тихо приблизившись к своей госпоже после ухода молодого человека, - мы уже давно ушли из дома, разве вы не боитесь, что наше отсутствие найдут очень продолжительным?

- Но ведь мы в церкви, Чиала!

- Это правда, сеньорита, даже в прекрасной церкви, однако все-таки лучше вернуться домой, ведь надо все приготовить к вашему отъезду.

- Правда, но так как, может быть, мне никогда больше не придется возвратиться сюда, - отвечала Хуана с кротким вздохом, - будьте так добры, Чиала, дайте мне еще помолиться Святой Деве за того, кого я люблю, только пять минут.

Дуэнья недовольно покачала головой, как женщина осторожная, но осталась ждать.

Через несколько минут обе дамы, закутавшись в мантильи, наконец вышли из церкви. На паперти они встретились с человеком, старательно прикрытым плащом, который почтительно им поклонился. Девушка не могла удержаться от нервного трепета при виде этого человека; ускорив шаги, она наклонилась к дуэнье и шепнула ей тихим и дрожащим голосом:

- Как вы думаете, он нас узнал?

- Кто знает! - в тон ей ответила дуэнья.

Между тем незнакомец остановился на церковной паперти и следил за ними насмешливым взглядом.

- Опять придется повторить, - сказал он сквозь зубы, - я опоздал на четверть часа. Терпение!

Глава III. Обязанный работник

Прежде чем продолжать наш рассказ, скажем два слова о том страшном товариществе флибустьеров, или Береговых братьев, о которых мы говорили выше, как оно возродилось и каким образом сумело стать столь грозной силой. Флавио Джойа, гражданин из Амальфи, что в Неаполитанском королевстве, усовершенствовал в 1303 году компас, оказал мореплаванию огромную услугу. Это усовершенствование, позволившее мореплавателям не держаться берегов, а плавать в открытом море, далеко от земли, и дало толчок тому духу открытий, который впоследствии обеспечил человеку владычество над морями и принес ему обладание земным шаром, все части которого стали отныне ему доступны.

Мореплавание с первой половины XIV века начинало обретать все более смелые стремления. Испанцы отправились на Канарские острова, находившиеся за пятьсот миль от испанского берега; здесь они принялись совершать высадки для того, чтобы брать туземцев в рабство.

Первый же систематический план открытия и исследования новых земель был задуман португальцами после изгнания мавров из их страны. Вполне естественно, что помыслы португальцев были устремлены к африканскому континенту. Мы не будем ничего говорить здесь об успехе этих отважных странствований, а ограничимся только замечанием, что в среде этих смелых мореплавателей появился Христофор Колумб, которому предоставлена была честь открыть Новый Свет.

Странное дело, тщетно пытаясь снискать расположение многих монархов, отвергаемый всеми как сумасшедший или мечтатель, Колумб, напоследок обратившийся к Фердинанду и Изабелле, тогда остановившимися перед Гранадой, которую они осаждали, опять, после долгих переговоров, получил отказ – и на этот раз без всякой надежды на успех; он оставил лагерь, чтобы удалиться в Англию, куда уже неоднократно собирался податься, когда взятие Гранады вдруг изменило намерение обоих государей и заставило их принять предложения, от которых они так решительно отказывались сначала.

Христофор Колумб удалился от лагеря уже на несколько миль, когда курьер королевы догнал его; став недоверчивым от постоянных неудач, этот великий человек не без колебаний решил вернуться в Санта-Фе, где в то время

расположился двор.

В Палосе, маленькой андалузской гавани, был снаряжен флот, которому суждено было принести Испании Новый Свет. Снаряжение, оплаченное из королевской казны, далеко не отвечало величию предприятия, все издержки не превышали ста тысяч франков. Эскадра, отданная под начальство Колумба, произведенного в адмиралы, состояла из трех небольших кораблей, два из них были немногим больше шлюпок.

Адмирал плыл на «Санта-Мариин», Мартин Алонсо Пинсон получил начальство над «Пинтой», имея лоцманом своего брата, и, наконец, «Нинья» была отдана под начальство Висенте Яньеса Пинсона, младшего из братьев Пинсонов. Суда взяли на борт годовой запас провизии. Экипажи состояли из девяноста человек, матросов и дворян, решившихся последовать за Колумбом.

Незадолго до восхода солнца 3 августа 1492 года флот снялся с якоря у Сальтеса, близ Уэльвы, в присутствии толпы зрителей, желавших успеха этому необыкновенному предприятию; однако большая часть провожающих не надеялась вновь увидеть смелых авантюристов.

В пятницу 12 октября 1492 года, после шестидесятипятидневного плавания, на восходе солнца вахтенный заметил землю – остров Гуаныхани, или Сан-Сальвадор, один из Лунайских островов, или островов Багамского архипелага [3 - Ныне о. Уотлинг.]. Великая проблема, до сих пор неразрешимая, была решена: Новый Свет был открыт или, лучше сказать, отыскан.

Но только в третье путешествие Колумб достиг берегов американского континента. 1 августа 1498 года Алонсо Перес, матрос, родившийся в Уэльве, стоявший на часах на марсе, увидел остров Тринидад. За ним открылся Гвианский берег, у устья Ориноко. Адмирал направил судно на запад и поплыл вдоль берегов Парии и Куманы, на которые несколько раз высаживался. Так был открыт американский континент.

Тотчас после первого путешествия адмирала Фердинанд и Изабелла, ослепленные великолепным и неожиданным результатом, достигнутым им, сочли за нужное принять предосторожности, чтобы обеспечить себе обладание землями, которыми их одарил гениальный авантюрист почти против их воли, и теми, которые в будущем он мог еще открыть. Следуя в этом примеру

португальцев, которые в 1438 году заставили папу Евгения IV пожаловать им все страны, которые они откроют «от мысов Бохадор и Нан... вплоть до индийцев[4 - Так называли жителей не только Индии, но и Эфиопии.]», король и королева обратились к папе Александру VI с просьбой не только закрепить за ними страны, которые они уже открыли, но и те, которые будут открыты ими впоследствии.

Александр VI, родившийся подданным Фердинанда, желая сделать приятное этому государю, не увидел никаких затруднений, чтобы исполнить его просьбу. Щедрым поступком, который ему ничего не стоил, но который увеличивал власть и притязания папы на всемирное владычество, он отдал буллой испанской короне все земли, открытые Фердинандом и Изабеллой, и те, которые впоследствии они могли открыть; однако, для того чтобы эта привилегия не вступала в противоречие с данной ранее Португалии, Александр VI определил границей между этими двумя государствами воображаемую черту, проведенную от одного полюса до другого и проходящей в ста милях к западу от Азорских островов, отдавая своим полномочию все, что было к востоку от этой линии, Португалии, а все страны, находившиеся на западе, – Испании.

Основываясь на этой булле, данной в 1493 году папой, который силой своей власти уступал обширные области, не только ему не принадлежащие, но местоположение и даже существование которых было ему неизвестно, испанцы, считая себя законными владельцами Америки, присвоили ее, так сказать, в свою пользу, запретив выходцам из других стран не только селиться там, но и высаживаться на берег с целью вести торговлю с местными жителями. Эти притязания, как ни чудовищны они кажутся нам ныне, не возбудили тогда в Европе никаких протестов. В те времена Старый Свет все еще приходил в себя после кровавых побоищ, вызванных как опустошительным потоком непрерывных набегов варваров, так и свирепыми междоусобицами, и был слишком серьезно занят решением собственных проблем, для того чтобы предпринимать отдаленные экспедиции и устраивать колонии в неизвестных странах.

Более столетия дела оставались в таком положении. Испания, владычица морей, на которых ею был установлен деятельный надзор, без опаски вывозила в свои гавани золото Нового Света.

Но как ни всевидяще было грозное око испанских властей, некоторые иностранцы успели обмануть его бдительность. Возвратившись в Европу, они показывали золото, добытое ими, и рассказывали зачарованным слушателям

небывалые истории о неизвестных областях, в которых они побывали. Эти истории, переходя из уст в уста, скоро приняли фантастические размеры, разбудив алчность в слушающих, и из всех гаваней Франции, Англии и даже Германии отправились экспедиции на поиски нового Эльдорадо.

Испанцы, искренне считавшие себя владельцами Нового Света, считали себя ограбленными; они преследовали иностранцев и обращались с ними как с пиратами. К несчастью, ни Франция, ни Англия, ни другие европейские народы не имели флота, способного бороться с испанским, давно завоевавшим репутацию непобедимого. Они должны были склонить голову, проглотить свой стыд и признать собственное бессилие.

Тогда-то, в то самое мгновение, когда морское могущество Испании казалось непоколебимым в веках, одинокие авантюристы, пострадавшие от междоусобных раздоров, изгнанные религиозными войнами, искавшие ненадежного убежища на уединенных островках Атлантического океана и уже теснимые в этом последнем убежище, отважились сделать то, на что не рискнула пойти вся Европа, и смело бросили перчатку кастильскому колоссу. Эти авантюристы, будучи представителями разных наций, говоря на разных языках, исповедуя разные религии, но связанные между собой узами нищеты и ненависти к угнетению, составили грозное товарищество Береговых братьев, которому суждено было около столетия противостоять испанскому могуществу и положить начало европейским колониям в Новом Свете.

В то время, когда происходит наша история, французские военные суда, весьма немногочисленные, оставляли гавани только для коротких плаваний вдоль берегов, так что торговый флот защищал себя как мог, правительство не заботилось о нем, поэтому большая часть торговых судов имела многочисленный экипаж и пушки, чтобы защищаться против пиратов, наводнявших моря. Так что, хотя между Францией и Испанией был мир, французское правительство охотно закрывало глаза на снаряжения, производившиеся в ее гаванях, и делало вид, будто принимает за мирных купцов смелых корсаров, заходивших туда запасаться съестными припасами или, построив суда, выходивших в море для того, чтобы преследовать испанские галионы. Поэтому корсары, заранее уверенные в безнаказанности, а в случае надобности и в покровительстве французских властей, не старались скрыть свои намерения и действовали в Дьеппе, Нанте или Бресте так бесцеремонно, как будто находились у Антильских островов. Действительно, что могло сказать французское правительство авантюристам? Ничего, ведь для того, чтобы окончательно убедить их в своем

покровительстве, оно само назначало губернатора из числа людей, уважаемых флибустьерами, и беспокоилось о том, чтобы ему была выделена часть добычи, отнятой у испанцев. Ныне это неизбежно вызвало бы casus belli[5 - Повод к войне (лат.)], но тогда дело обстояло иначе: спорные вопросы истолковывались другим образом, правительства безмолвно условились, что все происходившее по другую сторону экватора не должно было ни в чем изменять европейский мир. Таким образом, жизнь в американских водах контролировалась Береговыми братьями, которые безнаказанно бороздили моря, гоняясь за кастильскими галионами.

Мы закончим теперь это отступление, конечно, очень длинное, но необходимое для уразумения последующих событий, и начнем опять нашу историю с того места, где оставили ее, то есть в ту минуту, когда Филипп после разговора с доньей Хуаной вышел из церкви Мерсед в волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог скрыть полностью. Очутившись на улице, он надвинул шляпу на глаза и медленным шагом направился к гостинице. Лошадь его была оседлана, ее держал за поводья пеон, тот самый, который недавно сказал ему, чтобы он шел в церковь. Молодой человек прыгнул в седло, бросил золотую монету пеону и выехал со двора. Ему больше нечего было делать в городе; благоразумие предписывало ему уезжать как можно скорее.

Однако он не ускорил бега лошади и ехал шагом, нисколько не заботясь об ужасной опасности, угрожавшей ему, если бы, несмотря на переодевание, в нем узнали флибустьера. Война испанцев с Береговыми братьями была неумолима и беспощадна; всякий пленник, взятый испанцами, немедленно подвергался повешению, флибустьеры же расстреливали пленных – в этом заключалась единственная разница в способах расправы с врагом. Впрочем, с той и с другой стороны убийство пленных совершалось необыкновенно быстро.

К счастью для молодого человека, был полдень, знойное солнце обжигало землю, и жители, спрятавшись в домах от изнурительной жары, отдыхали с запертыми дверями и ставнями, так что улицы были совершенно пусты, и по тишине, царствовавшей в городе, он точь-в-точь походил на город из «Тысячи и одной ночи», жителей которого волшебник вдруг превратил в статуи.

Филипп благополучно добрался до ворот, которые один сонный лансеро[6 - Лансеро – испанский конный стражник.] ворча отворил ему за пиастр и крепко за ним запер, и скоро очутился за городом. Перед ним расстилалась огромная равнина, покрытая роскошной растительностью и перерезаемая здесь и там

почти высохшими ручьями. Оглянувшись на город, уже скрытый деревьями, он глубоко вздохнул и, наклонившись к шее лошади, поскакал галопом, не обращая внимания на жару, увеличивавшуюся с каждой минутой и становившуюся нестерпимой. Филипп чувствовал потребность быстрой ездой придать другое направление своим мыслям.

Уже больше двух часов мчался он таким образом. Лошадь его начинала утомляться и замедлять бег, как вдруг чей-то голос радостно воскликнул:

– Я знал, что встречу его здесь!

Молодой человек остановился и с удивлением осмотрелся вокруг. На камне, под тенью огромного дерева, сидел человек и, улыбаясь, смотрел на Филиппа, выпуская клубы дыма из трубки с коротким чубуком.

– Питриан! – с удивлением вскричал Филипп. – Что ты тут делаешь, мой милый?

– Жду вас, господин Филипп, – ответил тот, вставая и подходя к лошади, чтобы взять ее за поводья, пока молодой человек сходил на землю.

Этот Питриан был высокий широкоплечий малый лет тридцати пяти. Его умная, веселая физиономия как бы освещалась серыми глазами, взгляд которых живо перебегал с предмета на предмет и сверкал смелостью и хитростью; его кожа, загорелая и задубевшая от ветра, дождя, солнца и моря, приняла кирпичный цвет, делавший его похожим скорее на кариба, чем на европейца, хотя он был француз, парижанин. Костюм его был самый простой и первобытный, он состоял из небольшого холщового плаща и панталон, спускавшихся только до середины бедра. Надо было присмотреться вблизи, чтобы узнать, холщовая или нет эта одежда, до такой степени она была запачкана кровью и жиром. Старая шляпа с козырьком покрывала его голову; за поясом у него был чехол из крокодиловой кожи, в котором находились четыре ножа и штык, а возле себя он положил одно из тех длинных ружей, которые Бражи в Дьеппе и Желен в Нанте изготавливали специально для буканьеров. Питриан снял седло с лошади и начал прилежно обтирать ее, чуть слышно ворча про себя.

– Что ты там бормочешь, животное? – спросил, смеясь, молодой человек, который удобно разлегся в тени и играл с собаками работника.

– Животное! – произнес тот, пожимая плечами. – Я знаю, ваша лошадь тоже животное. Да мыслимое ли дело – так загнать благородную скотину!

Филипп расхохотался.

– Хорошо, – сказал он, – ворчи, ворчи, это облегчит тебе жизнь. Кстати, знаешь ли ты, что я умираю с голоду; нет ли у тебя чего перекусить?

Работник, по-видимому, не слышал этого вопроса и продолжал обтирать лошадь. Филипп давно знал этого человека, он не настаивал и терпеливо ждал, чтобы Питриан занялся им. Питриан отвел лошадь в тень, дал ей напиться, положил перед ней две охапки травы, потом приблизился к молодому человеку, который притворился, будто не думает о нем.

– Итак, вы говорите, что голодны? – резко спросил Питриан.

– Еще бы! Я ничего не ел со вчерашнего дня.

– Есть смысл оставаться так долго без еды! – насмешливо заметил работник. – Но вы, должно быть, страшно проголодались?

– Признаюсь, я очень голоден.

– Я думаю! К счастью, я человек предусмотрительный, меня врасплох не застанешь; поищите у моей палатки.

Филипп внимательно огляделся и увидел, что рядом с палаткой, на листе, служившем тарелкой, лежит большой кусок вареной говядины и стоит горлянка с водкой.

– Я знал, что вы попросите у меня есть, вот и запасся.

– Ты поистине драгоценный человек, – сказал Филипп, схватив говядину. – Разве ты не составишь мне компанию?

Они сели друг против друга, взяли ножи, и обед начался.

– Теперь, – сказал молодой человек, – сделай милость, объясни, каким образом я нашел тебя здесь?

– О! Очень просто: я вас искал.

– Как, ты меня искал?

– Капитан Пьер Легран сказал мне сегодня утром: «Я должен непременно сегодня вечером видеть моего друга Филиппа в гостинице „Лосось“. Я не знаю, куда он запропастился. Отыщи его, Питриан, и без него не возвращайся». Я отправился на поиски... Вот и все.

– Ты отправился на поиски, это очень хорошо, но почему ты пошел в эту сторону, а не в другую?

Питриан расхохотался.

– Ничего не может быть проще, – сказал он, – я дал понюхать ваше платье Миро и сказал ему: «Ищи, Миро, ищи!» Добрая собака вертелась туда и сюда несколько минут, потом взяла ваш след и привела меня сюда. Теперь вам все ясно?

– Почти, – ответил молодой человек, бросая на работника подозрительный взгляд, – но разве Пьер хочет говорить со мной о чем-то серьезном?

– Кажется.

– Ты ничего не знаешь?

– Представления не имею, только он непременно ждет вас в гостинице.

– Буду.

– А обо мне вы позаботились, господин Филипп?

– Да, я все устроил.

- В самом деле?

- Честное слово! Ты теперь мой, я купил тебя у Пьера за четыре собаки и бочонок с порохом.

- Это не дорого.

- Он черт знает как дорожил тобой.

- Я думаю! Он с трудом найдет другого такого, как я.

- Теперь все устроено, и ты можешь быть спокоен.

- Благодарю. Я ваш и телом, и душой на два года, потом я буду свободен.

- Решено.

- Да здравствует веселье! Я не променял бы свое нынешнее положение даже на сто луидоров с изображением французского короля... Кстати, я принес ваше ружье, пороховницу и мешок с пулями.

- Зачем?

- Неизвестно, что может случиться, беда приходит очень быстро, а, по-моему, нет ничего глупее, чем дать себя убить ни за что ни про что.

- Ты прав, пожалуй.

Говоря таким образом, Филипп взял ружье, зарядил его и положил возле себя. Авантюристы отдыхали долго, жара была так сильна, что они предпочли переждать зной, прежде чем отправились в путь. Было около пяти часов вечера, когда они наконец подумали об отъезде. Питриан сложил свою палатку из тонкого полотна, перекинул ее через плечо, оседлал лошадь. Филипп уже хотел на нее садиться, когда собаки вдруг наострили уши и начали настороженно лаять.

– Это что такое? – спросил Питриан. – Разве здесь в окрестностях есть испанцы, мои добрые собаки?

Собаки устремили сверкающие глаза на работника и завертели хвостом, повернув голову к тропинке, которая вела в город.

– Посмотрим, что там такое, мои красавчики, – сказал Питриан и, бросившись к дереву, ухватился за ствол и влез наверх с быстротой и ловкостью обезьяны. Через несколько минут он спустился.

– К нам едут гости, – сказал он.

– Хорошо, будем же вежливы и приготовим им достойную встречу, – смеясь ответил Филипп. – Много их?

– Человек двадцать, насколько я мог различить.

– Немного.

– Я тоже так думаю. Кроме того, они кажутся мне довольно мирными людьми. Это лансерос, провожающие носилки, запряженные лошадьми.

– Хорошо. Пусть себе едут.

Через несколько минут неподалеку послышались бубенчики лошадей и хлопанье бича майоралья[7 - Майораль – здесь: старший погонщик.]. Оба авантюриста решительно встали с ружьем в руках посреди тропинки.

– Стой! – закричал Филипп громовым голосом.

Но этот призыв запоздал – при неожиданном появлении авантюристов лошади и солдаты остановились как бы по взаимному уговору: до того безумная отвага этих двоих испугала проезжавших. Авантюристы обменялись насмешливой улыбкой и, небрежно взяв ружья под мышку, подошли к носилкам.

– Куда направляетесь вы, проклятые испанцы? – грубо спросил Филипп у долговязого и желтолицего человека, дрожавшего всем телом, который казался

начальником каравана.

– Мы путешествуем, благородный кабальеро, – отвечал тот невнятным голосом, низко кланяясь.

– Скажите пожалуйста! – заметил, ухмыльнувшись, Питриан. – И вы что же, путешествуете таким образом без всякого позволения?

Тот не ответил и со страхом осмотрелся вокруг; копья в руках солдат дрожали, так велик был их испуг.

– Ну-ка, – насмешливо продолжал Питриан, – покажите нам, кто спрятался в этих носилках, чтобы мы могли судить, какое уважение следует ему оказывать.

– Извольте, сеньор, – сказал кроткий и нежный голос, при звуках которого Филипп вдруг задрожал.

Занавеси носилок раздвинулись, и очаровательное, грациозное личико доньи Хуаны показалось в проеме. Филипп взглядом приказал Питриану молчать и, сняв шляпу, сказал, почтительно поклонившись:

– Сеньорита, извините наше нескромное любопытство и продолжайте ваш путь; клянусь, никто больше не беспокоит вас.

– Я извиняю вас, кабальеро, – ответила она с нежной улыбкой. – Поезжайте, – обратилась она к майоралу.

– Позвольте пожелать вам благополучного пути, сеньорита, – печально добавил молодой человек.

– Надеюсь, что оно окончится благополучно, – выразительно произнесла девушка, – так же хорошо, как и началось.

Она в последний раз махнула рукой, и носилки удалились. Филипп остался стоять неподвижно, склонив голову, со шляпой в руке, до тех пор пока процессия не исчезла за поворотом тропинки, и вдруг, выпрямившись, глубоко вздохнул.

– Ты видел эту женщину, Питриан? – спросил он работника прерывающимся голосом. – Я люблю ее, это моя невеста, она унесла с собой мое сердце!

– Хорошо! – улыбнувшись, сказал Питриан. – Она должна возратить его вам, если бы даже нам пришлось разрушить все испанские колонии, чтобы отыскать ее.

– Я дал клятву жениться на ней.

– Клятва священна для дворянина. Мы ее сдержим, я не знаю, как мы это сделаем, но мой отец, который был вовсе не дурак, говорил: «Тот всего дождется, кто умеет ждать», – и он действительно был прав.

Через десять минут авантюристы отправились по дороге в Пор-де-Пе, куда прибыли к десяти часам вечера.

Глава IV. Дядя и племянник

Филипп отпустил своего работника и сразу же отправился в гостиницу, невольно тревожась по поводу предстоящего свидания, причины которого он не понимал, – должно быть, случилось нечто очень важное, если Пьер Легран, вместо того чтобы просто ждать его в их общей квартире, вызвал его в гостиницу в такое позднее время.

Присутствие дяди, которого он считал находящимся на острове Сент-Кристофер, где тот занимал пост губернатора, было для него проблеском света и предостережением, чтобы он вел себя осмотрительно. Действительно, д'Ожерон был человек не только деятельный, очень заботившийся о чести авантюристов, с которыми он несколько лет делил опасности и тяготы флибустьерской жизни, но, кроме того, очарованный удовольствиями этой жизни, исполненной сильных ощущений и неожиданностей, он посвятил себя телом и душой счастью своих товарищей по оружию и мечтал о лучшем обустройстве их ненадежных убежищ, о том, чтобы дать Франции богатые колонии, превратив всех этих смелых хищных птиц, этих отважных покорителей морей в мирных жителей и трудолюбивых колонистов.

Этот план, достойный во всех отношениях человека с таким возвышенным умом и таким горячим сердцем, он старался осуществить любыми способами, жертвуя для этой цели даже личным состоянием. Словом, он продолжал претворять в жизнь идеи Ришелье, которому хотелось если не совсем уничтожить огромную власть испанцев в Америке, – дело пока невозможное, – то, по крайней мере ограничить ее, так чтобы большая часть богатств Нового Света служила на пользу Франции, будучи отобрана у Испании.

Французское правительство понимало величие этой благородной и патриотичной идеи; слишком слабое для того, чтобы открыто помочь д'Ожерону военной силой, оно могло лишь тайно поощрять его действия и предоставить ему полную свободу, заранее обязавшись одобрить все, что он надумает предпринять.

Как ни ненадежна была эта слабая опора, д'Ожерон довольствовался ею и смело принялся за дело. Но задача была крайне тяжелой: флибустьеры, привыкшие к полной свободе, к самой необузданной вольности, нисколько не были расположены сгибать голову под игом, которое хотел наложить на них губернатор острова Сент-Кристофер; они не без оснований утверждали, что Франция, отвергнув их как уродливых членов своей семьи и предоставив их самим себе, когда они были слабы, не имела права теперь, когда их отвага сделала их могущественной силой, вмешиваться в их дела и предписывать им законы.

Всякий другой человек, кроме д'Ожерона, без сомнения, отступил бы перед трудной задачей обуздать этих неукротимых людей. Но этот могучий разум, который поддерживала надежда на свершение великого и благородного дела, напротив, лишь подстегивали препятствия, по большей части неожиданные, которые возникали на каждом шагу и грозили помешать осуществлению его планов. Не прошло и четырех лет с тех пор, как д'Ожерон начал гигантское дело нравственного исправления, а его опыты уже принесли плоды и в нравах авантюристов начала обнаруживаться заметная перемена; они невольно подчинялись родительскому влиянию этого человека, который посвятил себя их счастью и которого они привыкли уважать, как отца.

Д'Ожерон понимал, что для достижения своей цели он должен не просто покуситься на законы Береговых братьев, но и пойти на смелый шаг, став во главе этого общества, и направлять его действия. Авантюристы, которым лестно

было видеть своим предводителем такого человека, весьма слабо сопротивлялись ему, в глубине души понимавшие выгоды твердого и разумного управления.

Добившись этого результата, д'Ожерон уехал во Францию. Хотя в то время был самый разгар Фронды, он отправился в Булонь, где в то время находился кардинал Мазарини, которого принцы вынудили удалиться, но который, однако, из этого изгнания тайно управлял делами короля. Кардинал благосклонно принял авантюриста, уговаривал его продолжать начатое дело, любезно согласился на все его просьбы, и д'Ожерон, не теряя ни минуты, уехал из Булони в Дьепп, откуда отплыл на остров Сент-Кристофер.

Но в его отсутствие случилось множество событий, заставивших губернатора изменить задуманные им намерения и отложить на некоторое время планы реформ.

Испанцы начали энергичные военные действия против флибустьеров, разбили их в нескольких схватках, захватив большое их число и повесив без всякого суда. В конце концов смелым нападением они захватили Черепаший остров, который надежно укрепили и где оставили многочисленный гарнизон под командой храброго и опытного офицера.

Потеря Тортуги нанесла сокрушительный удар по могуществу авантюристов, лишив их надежного убежища недалеко от Санто-Доминго, а следовательно, на пути испанских судов. Кроме того, несмываемое кровавое пятно легло на честь флибустьеров, которых до сих пор считали непобедимыми. Во что бы то ни стало необходимо было вернуть Черепаший остров, это орлиное гнездо, откуда так безопасно вылетали флибустьеры, чтобы неожиданно нападать на испанские колонии.

Вернувшись на остров, д'Ожерон, не объявляя о своем присутствии, надел костюм флибустьера, сел со своими двумя людьми в ветхую лодку, в которую из всех щелей вливалась вода, сумел незаметно пройти среди многочисленных судов, и после семнадцатидневного путешествия, в котором он раз сто чуть не погиб, ему удалось высадиться целым и невредимым в Пор-де-Пе. Прибыв на Санто-Доминго, губернатор отправил одного из своих людей к Пьеру Леграну, старому флибустьеру, которого он давно знал, назначил ему свидание в гостинице и открыл ему свои планы, подключив к переговорам и своего племянника Филиппа, который имел большое влияние среди флибустьеров

благодаря своей необыкновенной энергии, львиному мужеству, а особенно счастью, сопровождавшему все его предприятия.

Д'Ожерон внимательно следил за выражением беспокойства, которое внезапно появилось на лице молодого человека, когда было упомянуто о Черепашьем острове. Старик нахмурил брови и, устремив на молодого человека пронизательный взгляд, спросил:

- Что это значит, Филипп? Ты колеблешься, не решаясь напасть на испанцев?

- Нет, дядюшка, - ответил Филипп с очевидным замешательством, - я не колеблюсь, сохрани меня Бог!

- Ты просто отказываешься, - добавил дядя с насмешкой.

Молодой человек побледнел еще больше, если такое возможно, при этой язвительной иронии.

- Вы не поняли смысла моих слов, дядюшка, - почтительно заметил он.

- Так объясни мне все откровенно, - сказал губернатор с нетерпением, - я должен знать, по крайней мере, что у тебя на уме.

Хотя уже и будучи стариком, д'Ожерон, все еще молодой сердцем и умом, сохранил со времен прежней отважной жизни вспыльчивость, которая при малейшем противоречии заставляла кровь бросаться ему в лицо и пробуждала в нем страшный гнев.

- Я очень хочу объясниться, дядюшка, но сделаю это с одним условием.

- С каким? Говори же.

- Вы должны выслушать меня спокойно и не сердиться.

- Где это ты видел, чтобы я сердился, черт побери! - вскричал раздражительный старик, ударив кулаком по столу так, что тот чуть не разлетелся в щепки.

- Вот видите, вы уже начинаете сердиться!

- Отправляйся к черту!

- С удовольствием, - ответил Филипп, делая шаг к двери.

Но дядя торопливо схватил его за полу камзола.

- Полно тебе, оставайся здесь и поговорим, - сказал он кисло-сладким тоном.

- Хорошо, лучше закончить этот разговор сейчас.

- Я тоже так думаю.

- Вы хотите взять Тортугу?

- Хочу.

- Чем?

- Как чем?

- Я полагаю, что вы не имеете намерения захватить остров в одиночку?

- Еще бы!

- Так что же вы собираетесь делать? Испанский гарнизон многочислен, офицер, командующий им, опытен, он всегда остерегается, прекрасно зная, что когда-нибудь мы вздумаем напасть на него врасплох; кроме того, остров отлично укреплен.

- Я знаю все это, дальше!

- Дальше?

- Ты что, хочешь сказать, что Черепаший остров неприступен?
 - Я не хочу ничего сказать, нет, я только хочу заставить вас понять, насколько трудна эта экспедиция, особенно теперь.
 - Почему же именно теперь?
 - Потому, что все наши самые храбрые братья отсутствуют, и здесь никого не осталось.
 - Я уже заметил это господину д'Ожерону, - вставил Пьер Легран, выбивая трубку об угол стола.
 - А что я на это ответил?
 - Вы ответили, что можно обойтись без отсутствующих.
 - И опять скажу то же самое - слышишь, племянник?
 - Прекрасно слышу, дядюшка.
 - Ну, а хочешь ты услышать мое мнение обо всем этом?
 - Мне будет очень лестно узнать его, дядюшка.
 - Так вот мое мнение, милостивый государь: по причинам, мне неизвестным, но о которых, будьте уверены, я узнаю, вы не желаете, чтобы Тортуга была атакована.
 - О, дядюшка! - сказал Филипп, краснея. - Как вы можете предполагать что-либо подобное?
 - Полно, полно, племянник! Со мной увертки бесполезны, я достаточно стар, чтобы меня можно было обмануть.
- Молодой человек сделал усилие над собой.

– Вы действительно предлагаете нам отнять остров у испанцев? – спросил он резко.

– Конечно.

– Если так, выслушайте меня, дядюшка.

– Ничего другого я не желаю. Вот уже целый час я приглашаю тебя говорить.

– Это дело слишком важное, – продолжал Филипп, – его нельзя обсуждать здесь, куда всякий может войти, и притом трактирщик ненадежен; в Пор-де-Пе полно испанских шпионов, наш план будет тотчас же известен неприятелю.

– Все это очень хорошо. Вот я люблю, когда ты так говоришь.

– Сохраните ваше инкогнито, дядюшка, ваше присутствие здесь должно оставаться в тайне, а мы с Пьером послезавтра созовем наших братьев на островок Мариго.

– Почему послезавтра? Почему на островок?

– Потому что на островке никто не сможет шпионить за нами, там мы будем чувствовать себя как дома и свободно поговорим.

– Хорошо, но послезавтра будет уже поздно.

– Нужно время, чтобы предупредить наших друзей; кроме того, нам нужны достоверные сведения о состоянии обороны Тортуги.

– Правда, но кто нам доставит эти сведения?

– Я, черт возьми! Я проберусь на остров, и – можете быть уверены! – от меня ничто не ускользнет.

– Мы отправимся вместе, – с живостью сказал Пьер.

- Благодарю, но я отправлюсь один, так будет гораздо лучше, один человек всегда может спрятаться, двое же рискуют попасть в засаду.

- Как хочешь, друг.

- Ну как, решено, дядюшка?

- Да, решено, Филипп, ей-богу, ты настоящий молодец! Теперь мне жаль, что я сердился на тебя.

- Ба-а! Забудьте об этом, дядюшка, я уж и сам не помню.

- Решено, послезавтра.

- Непременно.

- Только не дай себя убить.

- Не так я глуп! Испанцы меня не увидят.

- Что мы будем делать теперь?

- Уйдем. Становится поздно, и вам надо отдохнуть.

- Итак, ты предлагаешь мне гостеприимство, Пьер?

- Еще бы! Хорошо бы я был в ином случае!

Пьер подозвал трактирщика, расплатился, и все трое встали, чтобы уйти. В ту минуту, когда они дошли до дверей, молния прорезала темноту, и страшный удар грома сотряс стекла.

- Ого!.. Это еще что такое? - спросил д'Ожерон.

- Начинается ураган, - ответил Пьер, - он собирается уже два дня. Я жалею о судах, которые пытаются пристать к берегу в подобную бурю.

- Ш-ш! - остановился вдруг Филипп, с живостью наклонив голову вперед. - Вы слышали?

- Что такое? - спросили они.

- Пушка!

- Как пушка? - вскричали они с беспокойством.

- Слушайте! Слушайте!..

Все прислушались. Прошло несколько секунд, потом дважды раздался слабый звук, в происхождении которого опытные моряки не могли ошибиться.

- Это пушка! - вскричали они.

- Погибает судно!

- Да, да, - сказал д'Ожерон, печально качая головой, - это сигнальная пушка: ветер гонит судно к берегу, и на нем знают, что погибли, но кто попытается помочь им в такую бурю?

- Я, если не найдется никого другого! - благородно вскричал Филипп.

- Мы! - повторил Пьер, спокойно снимая свой красивый расшитый мундир и старательно складывая его, чтобы не испортить.

- Да вы с ума сошли, друзья мои, - увещевал их д'Ожерон, - вы двадцать раз утонете, прежде чем доберетесь до этого судна. Притом, откуда вы знаете, что это наш корабль? Это, верно, какой-нибудь испанский галеон, которого прибило к берегу.

- Тем лучше, дядюшка! - весело заметил Филипп.

- Тем лучше?! Почему?

– Потому что мы его захватим, – ответил Филипп, смеясь.

Д'Ожерон, загнанный в тупик этим ответом, опустил голову, сложил руки на груди и пожал плечами. Такая смелость превосходила все, что он видел до сих пор.

– Ах, как я сожалею в эту минуту о Питриане! – воскликнул Пьер.

– Почему же, сударь? – спросил работник, внезапно появляясь в дверях.

– А! Ты здесь, мой милый? Добро пожаловать; ты, верно, колдун.

– Никак нет, но я догадывался, что буду здесь нужен, и пришел.

– И правильно сделал. С тобой и моим приятелем Филиппом, я уверен, мы преуспеем.

– Кто в этом сомневается! – просто ответил Питриан, даже не спрашивая, о чем идет речь.

– Скорее! – вскричал Филипп. – Найдем лодку.

– Это не так трудно, – весело отозвался Пьер.

Все трое, оставив д'Ожерона в дверях гостиницы, бегом бросились к берегу.

Глава V. Герцог Пеньяфлор

За месяц до начала нашего рассказа человек, старательно закутанный в толстые складки длинного плаща, ехал на сильной гнедой лошади по едва проложенной дороге от Медальина до Веракруса. Было около одиннадцати часов утра, морской ветерок спал, и жара постепенно становилась изнурительной в этой бесплодной и песчаной местности, которая окружает город и по которой всадник ехал шагом. Пристально осмотрев окрестности, всадник, успокоенный

полным уединением, окружавшим его, решился снять с себя плащ и, сложив вдвое, бросить его на седло.

Тогда стало легко определить в ехавшем молодого человека лет двадцати двух, с тонкими и благородными чертами лица; его высокий лоб, черные глаза, насмешливый рот с небольшими темно-каштановыми усами придавали его овальному лицу выражение гордости, презрения и некоторой жестокости; он был высок и строен, манеры имел чрезвычайно изящные и непринужденные. Костюм из черного бархата с серебряными позументами прекрасно оттенял матовую белизну лица. Короткая шпага в серебряных ножнах доказывала, что он имел благородное происхождение, потому что одни только дворяне обладали в то время правом носить шпагу. Из-под шляпы из вигоневой шерсти, низкой и с широкими полями, выбивались длинные локоны черных волос, в беспорядке падавшие на плечи; ботфорты из желтой кожи с тяжелыми серебряными шпорами поднимались выше колен. Словом, это был блистательный кавалер, донжуанская внешность которого должна была нравиться сладострастным веракрусам и внушать ревность множеству мужей.

В нескольких шагах от города он снова надел свой плащ, потом проехал Гуариту и вскоре достиг первых домов предместья Техерия. Впрочем, путешественник лишь ненадолго углубился в это предместье; скоро его лошадь сама остановилась перед ветхим черным домом, массивная дверь любопытной резьбы которого тотчас отворилась перед ним.

Молодой человек сошел с лошади и бросил поводья пожилому слуге, который, заперев дверь, подошел к нему, сняв шляпу.

- Герцог спрашивал меня, Эстебан? - по-испански спросил молодой человек слугу.

- Два раза, граф, - почтительно ответил Эстебан.

- Он не тревожился и не сердился на мое отсутствие?

- Не сердился, но тревожился, ваше сиятельство.

- Нет ничего нового?

- Нет, ваше сиятельство; за те два дня, что продолжалось ваше отсутствие, герцог оставался взаперти в своих комнатах. Он вышел только раз, чтобы проститься с губернатором.

- Герцог едет?

- Приказано готовиться сегодня вечером, ваше сиятельство, ничего не изменилось.

- Мне ничего не приносили?

- Сегодня утром, около часа тому назад, приходил человек с двумя торговцами, которые принесли сундуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Аграф - нарядная застежка.

2

Пеон - слуга, наемный рабочий.

3

Ныне о. Уотлинг.

4

Так называли жителей не только Индии, но и Эфиопии.

5

Повод к войне (лат.).

6

Лансеро – испанский конный стражник.

7

Майораль – здесь: старший погонщик.

Купить: https://tellnovel.com/emar_gustav/morskie-cygane

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)